

А. Попов

**Воспоминания
причетнического сына**

**Из жизни духовенства
Вологодской епархии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П58

П58 **Попов А.**
Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии / А. Попов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-458-56038-2

ISBN 978-5-458-56038-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

„Слава Богу за все“.

(Златоустъ).

I.

Родился я въ 1841 году 5 мая въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, захолустныхъ мѣстечекъ Устюжскаго уѣзда Вологодской губерніи, находящемся въ 100 верстахъ отъ города уѣзднаго и въ 350 верстахъ отъ г. губернскаго. Родитель мой былъ дьячкомъ въ приходѣ, гдѣ всего населенія насчитывалось тогда около 350 душъ мужскаго пола. Въ составѣ причта было 3 члена, — священникъ, дьячекъ и пономарь. Для всѣхъ ихъ на погостѣ было построено прихожанами 3 крестьянскихъ простыхъ черныхъ избы, а для священника съ холодною горенкою. Четвертое жилое помѣщеніе погоста — это маленькая хижина съ тремя волоковыми окошечками, какъ и у духовенства, для просфорни. Печи въ нихъ были глинобитныя, безъ дымовыхъ трубъ, съ однимъ только кожухомъ сверху надъ устьемъ печи. Мѣсто между кожухомъ и устьемъ печи, долженствующимъ пропускать дымъ, называлось челомъ, было всегда покрыто сажею, которая и служила источникомъ добыванія огня. Дѣлалось это такъ. — Нуждающійся въ огнѣ шель къ печи, бралъ здѣсь съ верхней полки (по мѣстному. „пол.цы“) берестяную коробку, въ которой хранилось огниво, кремь, трутъ и сѣрныя спицы (березовыя, длиною вершка 3, 4) и начиналъ огнивомъ выбивать изъ кремня искры такъ, чтобы онѣ падали на печное чело, покрытое сажей. Сажа конечно не воспламенялась, но искру легко воспринимала. Искра въ сажѣ такъ сказала реализировалась. Къ ней подошлся тогда сѣрный конецъ шиши и получался огонь. Печи устраивались въ избахъ въ одномъ изъ заднихъ угловъ, такъ что заднюю часть они упиралась въ одну стѣну, а бокомъ прилегала къ другой. Съ другой же стороны печи пристраивался голбець, ведущій въ подполье, гдѣ хранились нѣкоторые хозяйственные продукты и печеный лѣббъ. Съ другой же стороны избы на-

параллельно съ лѣчью и голбцемъ устраивались палаты на высотѣ приблизительно 2 арш. 6 вершковъ отъ пола. На этой же высотѣ устраивались по стѣнамъ для домашняго обихода и полицы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей губерніи называемыя полавочниками, а за тѣмъ, для силѣнья, и лавки. Въ переднемъ углу обыкновенно устраивалась божница, гдѣ помѣщались святыя иконы. Здѣсь же стоялъ обычный кухонный, бѣлый столъ, а передъ нимъ скамья. Столъ, скамью и лавки каботливыя хозяйки мыли каждую недѣлю, стѣны отъ лавокъ до полицъ разъ, или два въ годъ передъ великими праздниками, полъ также и въ тоже время, а стѣны выше полицъ и самая подволока, набравшаяся изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, не мылись никогда, а только обметались, когда начинала уже вѣсть сажа. Нѣтъ нужды поэтому говорить о цвѣтѣ подволокъ и стѣнъ выше полицъ. Онѣ были черны буквально, какъ сажа, а полы были грязны и волнообразны, грязны отъ того, что ихъ мыли очень рѣдко, а волнообразны отъ того, что когда покрывались они толстымъ слоемъ грязи, тогда ихъ только смачивали водою и за тѣмъ проскоблывали лучевниками, тулцями и заступами. Понятно, что, при такой операци, вмѣстѣ съ грязью, выскаблывались годъ отъ года и мягкія части дерева, а болѣе твердая, какъ сучья, тѣ не уступали сокрушительному способу промыванія и оставались, ударно возвышаясь.

Святѣмъ украшенемъ моей родины были два Божіихъ храма, — одинъ теплый одно-этажный каменный, правильно раздѣленный, кромѣ алтаря, на церковь и трансезу, съ полукаменной колокольней, и холодный деревянный. Храмы Божіи въ концѣ первой половины девятнадцатаго столѣтія обнесены были залпотною, а позднѣе и деревянною приличной оградой. Посреди ограды между церквями стояла большая вудраяя береза. Другомъ поля, за ними деревни, еще поля, а тамъ и лѣсъ и только лѣсъ, изъ котораго вытекаетъ одна ничтожная рѣчка, впадающая въ 5-ти верстахъ отъ церкви въ одну изъ судоходныхъ рѣкъ губерніи. А за этою послѣднею былъ и нынѣ есть почтовый трактъ, соединяющій между собою два уѣздныхъ города.

Бѣдва была наша церковь, не имѣвшая ничего изъ божородныхъ металловъ, кромѣ единственныхъ Богослужбныхъ сосудовъ серебряныхъ, но не золоченыхъ. Едва-ли было три перемены самыхъ дешевыхъ, занесенныхъ и уже порвавшихся священническихъ облаченій. Причетлическихъ стихарей не было ес-

вершено. Купѣли для крещенія младенцевъ тоже не имѣлось. За то, по мнѣнiю простодушнѣйшихъ прихожанъ, быть такъ хорошѣ колокольный звонъ, что „лучше его не услышите нигдѣ, хотя поѣзжайте до Москвы“. Этотъ же несравненный звонъ состоялъ изъ 5 колоколовъ, которые всѣ-то вмѣстѣ едва достигали 40 пудовъ. Интересна была также купѣль для крещенія дѣтей. Изъ корней громадной сосны былъ выдолбленъ ковшъ, даже съ ручкою, въ который вливалось свободно 3 ведра воды. Въ этомъ ковшѣ, конечно не окрашенномъ ни въ какой цвѣтъ, и крестили дѣтей. *)

Жизнь духовенства, по внѣшней обстановкѣ, боле скудной, чѣмъ у большей части крестьянъ, вообще ничѣмъ не отличалась отъ жизни крестьянской.

Какъ крестьянинъ, такъ пономарь, дьячекъ и священникъ жили своимъ хозяйствомъ, трудомъ, работою; занимались они скотоводствомъ и земледѣлiемъ, сѣяли ленъ, приготавливали дрова,—сами пахали, сѣяли. борошили, сами прятали навозъ, сами жали, косили, молотили. А бывали между ними и такіе, которые, за всѣмъ этимъ, умѣли сдѣлать топоромъ и стругомъ все, что угодно для хозяйства.—и борону сбить, и соху устроить, и ткацкій станокъ (кросна по мѣстному) соорудить.

Одного я только не дѣлывалъ, любить говорить и нынѣ здравствующій олинъ старецъ священникъ о. А. В...й—тто—гробовъ. Почему?—Да потому, что не было надобности, семья моя здравствуетъ: съ кажимъ-то мягкимъ, теплымъ чувствомъ и мнѣ вотъ припоминаются старыя, родныя картины изъ давняго прошлаго. И чѣмъ отдаленнѣе онѣ отъ настоящаго времени, тѣмъ оригинальнѣе и симпатичнѣе. Такъ онѣ кажутся мнѣ по крайней мѣрѣ. Но для полной точности я долженъ обозначить, что мои воспоминанія начинаются, съ достаточной отчетливостiю, не раньше 1845—1846 года. Позвольте, дорогой учитель, воснутьса, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ въ настоящемъ блѣдномъ, не искусномъ очеркѣ.

Начало весны. Мартонское солнце по небу ходитъ уже выше, свѣтитъ ярче, и теплѣе. Въ переднемъ углу дьяческой избы, стоитъ уже не кухонный столъ, а ткацкіе кросна. Мать семьи сидитъ за ними за работою, а передъ нею съ боку на лавкѣ шестилѣтній ребенокъ съ азбукою и неизбѣжною „указкой“

*) Авторъ же настоящихъ воспоминаній, по рассказамъ покойныхъ его родителей, былъ крещенъ не въ этомъ ковшѣ почему-то, а просто „въ мучной сѣяльницѣ козенькой“. Что же? И то хорошо.

въ рукахъ, изучая славянскую грамоту.— Да развѣ жены причетниковъ тогдашняго времени были грамотныя? спросите вы.— Нѣтъ, отвѣчаю. Такъ какъ же неграмотная мать учить ребенка грамотѣ.— Она знала названія славянскихъ буквъ въ ихъ алфавитномъ порядкѣ, хотя и не знала ихъ очертанія. Называя же буквы ихъ именемъ, слѣдила глазами за указкою ребенка, долженствовавшего направить указку на называемую букву, и заключала отсюда, правильно-ли знакомится съ буквами ея ученикъ. Учила и училась. А гдѣ же отецъ семьи, хозяинъ дома? Великимъ постомъ, а это былъ онъ, обыкновенно какъ крестьяне, такъ и духовенство были въ лѣсу, рубили дрова и лучину, оначала въ кряжи, а потомъ на полѣнья, колоди на плашки толстыя изъ нихъ и складывали въ полѣвницы. Еслибы мы пошли за ними въ лѣсъ, то увидали бы, какъ утомившись въ тяжелой работѣ священникъ, дьячекъ и пономарь усѣлись на кряжикахъ въ однихъ рубашкахъ, сукманныхъ шароварахъ, да въ такихъ же жилетахъ, и разжухиваютъ изъ своихъ берестяныхъ табакерочекъ табачекъ, угощая при томъ одиъ другаго. Но вотъ и весна пришла Снѣгъ уже стаялъ. Ручьи и рѣчки пообмелѣли. Земля просохла. Сохи и бороны готовы. Начался посѣвъ ячменя, овса и пшеницы. Выидите на перковное поле и увидите, что на одной полосѣ на шеть причетникъ, а на другой священникъ въ рубашкѣ, но въ жилетѣ уже суконномъ. А спустя 4—5 часовъ тамъ уже другая картина. На одной полосѣ сѣетъ священникъ, на другой пономарь, а на третьей женщина. Эта женщина жена дьячка, та самая, что, будучи неграмотною, умѣла обучать грамотѣ своего сына первенца,—это была моя родимая матушка. И не это только она умѣла дѣлать и дѣлала, кромѣ женскихъ работъ. Она и сѣяла, и вѣяла, и снопы на „кору“ подавала, и овины сжидала и овны сушила, и сѣно въ стоги метала, не хуже любого мужичины. А дѣти духовенства подходящаго возврата,—это бы онѣ ни были,—сынья и дочери уже бернать. И весна, и поле, и дѣло, и раздолье,—о, какъ хорошо и весело было тогда намъ, дѣтворѣ сельскаго духовенства!

Въ слѣдъ за весенними посѣвами хлѣба слѣдовала, безъ пражжутка, другая, и тамъ третья, четвертая и такъ далее бота за работой до поздней осени. На моей родинѣ и тогда занималось, и нынѣ занимается еще мѣстное населеніе посѣвомъ дѣна не на поля, а на лѣсные подлѣвки. И въ этомъ промыслѣ, дающемъ, при своемъ трудѣ, хорошій доходъ, не уступало кре-

стьянамъ духовенство, нуждавшееся въ средствахъ, при ничтожности доходовъ, получаемыхъ отъ прихожанъ, хотя на производство льна и затрачивалось много времени и силъ. Нужно въ первой половинѣ іюня каждаго года сдѣлать такое количество льняныхъ подсѣвъ, какое въ силахъ обработать то, или другое семейство въ слѣдующее лѣто. Нужно заготовить такое количество дровъ, которое въ достаточной мѣрѣ обезпечивало-бы выпрятку, прожиганіе почвы на подсѣвахъ. Нужно заготовленіе льняного, хорошаго сѣмени. Нужно въ маѣ своевременно заняться „выпряткою“ своихъ подсѣвъ тщательно, а не какъ-нибудь, такъ какъ чѣмъ лучше бываетъ пражжена почва и чѣмъ лучше она пророборонена, тѣмъ лучше выростаетъ на ней ленъ, обыкновенно, при нормальномъ состояніи погоды, въ концѣ іюля. Нужно ленъ выгнать, высушить его сперва на „вѣшалахъ въ тѣхъ же подсѣвахъ, называемыхъ то „лыницами“, то „новинками“, то „кулижками“, а потомъ на овинахъ; для того, чтобы легче отдѣлать отъ льняныхъ воложекъ „куглину“, т. е. головки съ сѣменемъ. Нужно за тѣмъ разостлать уже околоченный ленъ на скошенныя пожни, въ свое время снять, связавши въ вязанки. потомъ опять высушить, обмять съ него „костру“, отрешать, вычесать, связать въ кучки, повѣсѣть по 20 напр., и тогда уже продавать. И послѣ такихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ трудовъ, соединенныхъ съ льнянымъ промысломъ, и нынѣ радуется нашъ крестьянинъ, получивши рублей 8 за пудъ хорошаго льна. А какъ радовалось во дни оны наше горемычное сельское духовенство, когда, послѣ множества лѣтнаго труда всѣхъ членовъ семьи, отъ малаго до стараго, оно получитъ бывало рублей 10 за пудъ льна, ассигнаціями, т. е. по нынѣшнему счету, 3 руб. за пудъ.—я не сумѣю и выразить. Но какое горе бывало для него, когда, при всѣхъ этихъ затратахъ времени и силъ, при всѣхъ многосложныхъ трудахъ и заботахъ, ленъ выидеть, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, плохимъ! И вѣсѣтъ то въ такомъ случаѣ, при отсутствіи „доброты“ оказывалось льна у хозяина мало и цѣна на него уменьшалась на половину. Кто изъ читателей имѣлъ случай хотя и не заниматься льноводствомъ, какъ занимался я, а только присматриваясь къ нему, тотъ отлично пойметъ всю горькую правду моихъ словъ; а тѣхъ, кто совершенно не знакомъ ни съ этимъ промысломъ, ни съ жизнію сельскаго духовенства епархіи, за минувшее время, прошу вѣрить честному слову „причетническаго сына“, съ семилѣтнаго возвра-

ста призваннаго къ физическому труду посильному и не по сильному. Да, для меня, какъ сына бѣднаго сельскаго причетника, начавшаго помогать въ работахъ родителямъ съ семилѣтняго возраста, не всѣ труды были посильными, не всѣ и пріятными. Любилъ я боронить, любилъ жать, рвать, стлать и снимать лень, но непріятно было рвать лень въ дождливое время, не пріятно было по требованію покойной моей матушки всгавать по утрамъ рано и идти на работу ту, или другую. Но все это было посильно. Не по силамъ же было мнѣ косить траву, не по силамъ и сносить на козняхъ къ стогу копны скошеннаго сѣна и подволакивать при той или другой надобности, жердье тамъ, гдѣ батюшка не считалъ нужнымъ запрягать лошадь. До сихъ поръ я хорошо помню тотъ невыносимо жаркій лѣтній день, во время сѣнокоса, когда и безъ работы человекъ задышался огъ зноя, распрѣлая трава острію косы не усугубала, матушка изнемогала, я обезсилѣлъ, а батюшка косилъ и очень гнѣвался, что ни мать, ни сыновъ косить не могутъ (мнѣ было тогда лѣтъ 9—10, а матушкѣ 29). Какъ ни боялся я родительскаго гнѣва, обваруженія котораго могли быть печальными для меня и для матери, но, не смотря на это я положилъ косу, ушелъ въ тѣнь за кустъ и горько заплакалъ. заплакалъ сознательно не столько о своемъ безсиліи физическомъ, сколько о той несчастной долѣ духовенства, а особенно долѣ причетнической, въ какой тогдашнее духовенство находилось. И тутъ же, поднявъ глаза къ небу, перекрестился и долъ себѣ клятву учигься и учиться, хотя бы пришлось пытаться Христовымъ имънемъ, какъ вскорѣ потомъ и случилось, лишь-бы не надѣтъ и мнѣ на себя эту ужасную лямку труда и почти нищеты. При уборкѣ на пожняхъ сѣна, высушенная трава загребалась въ валы, изъ нихъ она копнилась въ небольшія копны, которыя и сносились мало по малу въ стогъ, гдѣ было избрано мѣсто для стога. Пока стогъ былъ низокъ, батюшка металъ сѣно одинъ изъ тѣхъ копенъ, которыя уже снесены имъ были къ „стожку“ съ матушкою. А когда стогъ становился выше и не поддавался уже на верху его наблюденію, тогда обыкновенно матушка становилась на стогъ, принимала здѣсь съ вилъ подающаго граблями сѣно и укладывала пластами его равномерно, и симметрично. И вотъ, когда стогъ становился высокимъ, слѣзать съ него было уже неудобно для матушки, и принужденъ былъ я вочей-неволей посить съ моимъ родителемъ на носилкахъ оставшіяся копны. Хотя ояъ и дѣлалъ все возможное

для облегченія сравнительной тяжести, по отношенію ко мнѣ. Копеи съна, принимая какъ можно больше тяжести ихъ на себя, но все таки нѣкоторыя изъ нихъ были такъ тяжелы, что у меня разжимались пальцы рукъ, а изъ глазъ сыпались не слезы, вѣтъ, а какія-то разноцвѣтныя искры. Жерди же мнѣ приходилось волочить, положивши тяжелый конецъ на плечо, обычно правое, причѣмъ легкій конецъ жерди одной или двухъ, что зависѣло отъ неравномѣрной тяжести ихъ, скользилъ по землѣ. А такъ какъ эта гимнастика моя, по родительскому требованію, была очевидно не рѣдкою, то послѣдствіемъ ея оказалось то, что правая плечевая ключица стала нѣсколько ниже, чѣмъ лѣвая. Другое же свидѣтельство того, что все-это было не во снѣ, а паяву пережито и переиспытано, при всякой даже легкой усталости, давно уже болятъ у меня обыкновенно плечи и спина. А когда я былъ такъ юнъ, что не годился ни на какую работу, тогда мнѣ, какъ старшему между дѣтьми семьи, поручалось нянчиться съ ними, завѣдывать домою во время отлучки родителей на работу въ поле, или на сѣнокосъ и въ тоже время готовить уроки по чтенію. Пища, состоящая изъ хлѣба и соли, оставялась мнѣ, на столѣ подъ покровомъ скатерти. И сидишь, бывало, цѣлый лѣтній, красный день въ грязной и душной избѣ съ своими питомцами, одного изъ нихъ качая въ люлькѣ и кормя молокомъ изъ рожка, а за другимъ, еще не твердо ходящимъ по ногу, слѣдя глазами, чтобы онъ гулялъ благополучно. Сидишь одинъ: Жужжать; да жукають только злиа жуки. Скучно очень, тянется ия улиду, а колыбельный ребенокъ спить. Заплачешь, бывало, и ребятишки, точно изъ сочувствія своей нянькѣ, закапризничаютъ и заплачуть. Слезами однако горю не поможешь, что очевидно я уже понималъ. Надо поправлять дѣло иначе. Попойшь, покормишь ребятишекъ, да и самъ поѣшь. А потомъ, взявши маленькаго на руки, а того, который побольше, посадивши на плечи, выносишься съ ними на уличку, подышать и поосвѣжиться. А за тѣмъ опять забираешься въ свою убогую и скучную избушку. Однажды случилось, что родители мои, уйдя на цѣлый день въ лѣсъ на сѣнокосъ, по обычаю оставили мнѣ съ дѣтишками хлѣба, и соли, но хлѣба не нарѣзали и ножа не оставили. Пришла пора—захотѣлось ѣсть. Я къ столу. Соль и каравай хлѣба тутъ. Хлѣба однако не нарѣзано и ножа на столѣ нѣтъ. Какъ быть? Отломить изъ караваа хлѣба я не могу, а грысть коровай не берутъ зубы. Иду ножа позлѣ, чего вѣтъ.

Наконецъ, увидѣлъ я рукоятку ножа на полицѣ. Но это высоко. Встаю на лавку и достать ножъ никакъ не могу. Вѣсти уже очень хочется. Отошелъ, посмотрѣлъ еще разъ на желательный предметъ издали и сообразилъ, что если я встану на лавку и подпрыгну, то пожалуй могу схватить съ полицы ножъ. Иду и дѣлаю. Но вышло что-то не то, что, ожидалось. Подпрыгнувши съ лавки вверхъ, я почувствовалъ, что только затронулъ пальцами ножъ, а схватить его не могъ. Гдѣ же онъ? Его не видно болѣе и на полицѣ, да нѣтъ его и на полу, куда бы долженъ былъ онъ по крайней мѣрѣ свалиться, не подавши мнѣ въ руки. Между тѣмъ начинаю чувствовать что-то теплое у себя на головѣ. Поднимаю руки и нахожу тамъ воткнувшимся въ самое темя головы моей ножъ. Ужасно сознавать это теперь, а тогда какія чувства волновали и волновали-ли меня—уже не помню кромѣ того, что, выдернувъ изъ головы ножъ, я облился кровью. Руки, лицо и рубашка у меня стали уже въ крови, а это не порядокъ, думалось мнѣ. Надо стало быть остановить теченіе крови, но чѣмъ и какъ? Кто же научить ребенка? Учителей не было, да и че нужно ихъ. Мнѣ мѣшала кровь. Я пошелъ въ сѣни къ кадкѣ съ водою, взялъ ковшникъ, зачерпнулъ воды и давай поливать голову водою. Кровь вскорѣ, или не вскорѣ, такъ же не помню, остановилась. Вымылъ я ножъ, наколупалъ имъ изъ коровой хлѣба, поѣлъ съ дѣтскими и успокоился. А когда пришли родители, я рассказала имъ подробно о своемъ приключеніи. Они осмотрѣли голову, перекрестились и сказали, что меня „спасъ Богъ“. Да, именно Богъ, и потому многожды въ послѣдующей моей жизни, спасавшій отъ бѣдъ различныхъ и „смерти напрасной“ замѣчательно, что голова моя, ни мало не болѣла, а глубока-ли была на головѣ моей отъ ножа рана я не знаю, моя родители ничего мнѣ о томъ не сказали.

О такихъ работахъ духовенства, какъ папши, борозьба, сѣнокосъ, жнитво, уборка въ гумнѣ съ полей хлѣба, я говорить не стану. За этими работами, кромѣ папши, можно увидѣть духовенство еще и нынѣ. А вотъ „прятки новинокъ“, или иначе „каченье кулижекъ“, какъ и „навозная прятка“ заслуживаютъ того, чтобы отмѣтить ихъ бытописателю. Для этихъ работъ люди одѣваются обыкновенно въ самую плохую одежду и обуваются въ лапти, или кожаные ступни, *) привязываемые къ ногамъ ремнями. Производятся работы—первыя въ маѣ, а послѣд-

*) Такъ называемые „уледа“.

нія въ іюнь. Выбирается для первыхъ ведряный день. Новинка срублена въ прошломъ году. Дѣсь на ней высохъ. Дровъ навожено. Дрова это длинныя разныхъ породъ дерева. Онѣ заваливаются въ валъ, который и зажигается для того, чтобы почва полъ нимъ прогорѣла. И этотъ валъ постепенно перекачивается съ одного мѣста на другое, уголье подметаеся, дровъ прибавляется. Дымъ, жаръ отъ огня и солнца, а работать надо горячо, надо, чтобы лучше прожечь почву и не тратить напрасно дровъ. Людей, уже отъ грязи и сажи потерявшихъ мѣкъ человѣческой и забывшихъ о пищѣ, томить одна жажда. И они пьютъ и пьютъ воду, охлаждая се притомъ сѣнгомъ, или льдомъ, взятымъ изъ погреба. Хорошо, кто съ увлеченіемъ отлаеся этой тяжелой и опасной для здоровья работѣ. Утоленіе жажды холодною водою для нихъ безвредно. Но горе лѣнливымъ. Опиваясь, они тотчасъ же заболѣваютъ и скоро умираютъ. На такой-то работѣ, въ такомъ-то видѣ, любезный читатель, нашли-бы вы и сельскаго батюшку, и супругу его съ дѣточками—поповнами и поповичами, еслибы могли войти въ лѣсокъ, гдѣ, обливаясь потомъ и грязью, хуже всякихъ слезъ, ищутъ они себѣ средствъ пропитанія. Но это для васъ невозможно. Пусть такъ. Тогда пожалуйста въ скотскій дворъ, или загляните сюда хотя издали. Здѣсь другая, также интересная, если угодно, картина, вызываемая тою-же нуждою. Среди двора, въ группѣ мужчинъ средняго возраста вообще грязно обутыхъ и грязно одѣтыхъ стоятъ опершись на вилы священники въ одной холщевой рубашкѣ и такихъ же, но уже порядочно загрязненныхъ кальсонахъ. На головѣ у него необъяснимой формы шляпа, а на ногахъ босые ступни. Пришла въ телѣгѣ во дворъ лошадь. Заработали въ рукахъ людей вилы. А батюшка, какъ хозяинъ, стало быть человѣкъ преимущественно заинтересованный успѣхомъ работы, работаетъ пуще всѣхъ. Дѣтишки его ѣздятъ возчиками на коняхъ. А матушка гдѣ? Она, господа, въ полѣ, вся искусанная мошкой и паутами, работаетъ, также не покладая рукъ.—она огребаеъ съ телѣгѣ тамъ навозъ, когда прѣзжаютъ дѣти. ея изъ двора съ навозомъ въ поле. А о причетникахъ уже и говорить не приходится. Эти несчастные пары, всѣми забытые, если хотѣли сносно жить, и питаться хотя сколько нибудь по-человѣчески, работали буквально, ни днемъ, ни ночью не зная покоя. Покойнаго нашего поэта—народника тронула и вдохновила судьба Русской женщины, корѣзавшей на работѣ всюлею „поженку

году“, и — написал онъ свое чудное стихотвореніе: „въ полномъ разгарѣ страда деревенская“... Что написалъ-бы онъ, еслибы уви-дѣлъ то, что я видѣлъ, даже пережилъ непосредственно... Какъ вамъ впадутся эти темы для поэта, или художника: „Десяти лѣтній ребенокъ (сынъ причетника) горько плачущій на сѣпско-сѣ отъ изнеможенія“, „семейство священника, обрабатывающее кулижку подъ посѣвъ льна“, сельскій священникъ прячетъ навозъ, или „матушка — попадья сгребаетъ навозъ съ телѣтъ въ полѣ“ подъ тучею овода, который, жала, кусая, жушжа, уже истерзала давно ея лице, руки и ноги до крови.“ Но Н. А. Некрасовъ не видалъ этихъ заурядныхъ картинъ нашего прошлаго, да и сами мы, угнетенные тяжкою долею, не понимали, что можно и должно бы лучше жить духовенству, пока не освѣтили дѣла нѣкоторымъ вниманіемъ добрые люди. Мы страдали и страдаемъ полезно, не помышляя даже о концѣ страданья, а мечтая лишь о его ослабленіи.

Осень проходила у нашего сельскаго духовенства за обработкою льна, часть котораго оставлялась для нуждъ семьи, а большая часть поступала въ продажу. Зимой духовенству жилось легче, работы было меньше, чѣмъ лѣтомъ, но все-же работа была. Нужно было подвозить кормъ для скота, солому и сѣно, дрова и лучину для отопленія и освѣщенія. Но это считалось такимъ легкимъ занятіемъ, что не называлось даже работой, а было какъ бы развлеченіемъ. Но я не могу оставить безъ вниманія тѣхъ зимнихъ дней, когда бывали большіе морозы. Въ зимомъ началѣ моихъ воспоминаній я уже отмѣтилъ, что избы у духовенства были черныя, окна въ нихъ были волоковныя съ од-нимъ только окномъ въ средивѣ нѣсколько побольше остальныхъ двухъ съ той же лицевой стороны и еще одного со стороны боковой. Кромѣ однихъ лѣтнихъ рамъ, и то почему-то обшито ветхихъ съ разбитыми стеклами, другихъ не виѣлось. Для выхода изъ избы дыма, во время топки печи, на одинъ рядъ ниже потолка, или подволоки было въ задней стѣнѣ прорублено окно, закрывавшееся, по минованіи въ немъ надобности, отрепьями. Когда зимою сравнительно была теплая погода, примѣрно не ниже 20°, спалыя духовенства устраивались на полу быстро и просто. Приносились изъ холодныхъ сѣней ковры, связанные изъ пучковъ ржаной соломы, постилались они на полъ среди избы, на нихъ стлались войлока, сѣланные мѣстными мастерами изъ овечьей шерсти, въ изголовье же сначала закладывалось по полѣну дровъ,